

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82

Чжан Чэндун,*Новосибирский государственный университет**(г. Новосибирск, Россия),**e-mail: zhangcd126@163.com,**<https://orcid.org/0000-0001-5615-6336>***Мотив утраты «Я» в романе Виктора Пелевина «Generation 'P'»**

В традиционной русской литературе мотив утраты «Я» часто выступает в качестве мотивировки духовного преобразования и поисков спасения героя, играя особую роль в продвижении сюжета художественного текста и создании нового типа героя (лишний человек, нигилист, труженик «малых дел» и т. п.). Однако в постмодернистском контексте нетрудно заметить изменения в употреблении и воплощении данного мотива при построении сюжета благодаря принципу неопределённости и хаотичности, противостоящему телеологии классического повествования. Актуальность темы обусловлена недостаточностью исследования таких изменений, особенно в постмодернистском творчестве Виктора Пелевина. Несмотря на ряд интересных наблюдений над художественной структурой пелевинского текста, роль мотива в организации и построении сюжета остаётся за пределами внимания исследователей. Целью данной статьи является раскрытие роли и особенности мотива утраты «Я» как сюжетообразующего компонента в романе В. О. Пелевина «Generation 'P'». Опираясь на современную теорию мотива, мы обращаем особое внимание на контекст алломотива и события, которые связаны с мотивемой утраты «Я», понимая вслед за А. Дандесом под мотивемой основную единицу парадигматики нарратива, а под алломотивами – синтагматические варианты мотивемы. Рассматривая в мифопоэтическом пространстве разные вариации алломотивов утраты «Я» (мотивы потери ощущения вечности, символической смерти, метаморфозы, манипуляции и пр.), мы стремимся показать конструктивные составляющие повествовательной структуры данного романа, обусловившие его художественную семантику. Полагаем, что, аргументируя трагическую сущность ценностной установки человека на потребление в контексте эсхатологической мифологии СМИ, автор строит сюжет как восхождение по карьерной лестнице Татарского, сопровождаемое утратой «Я», заменой человека виртуальным субъектом “Homo Zaprienns”. Для решения этой задачи В. Пелевин широко использует разнообразные схемы, реализующие эмическую мотивему путём разнообразных вариаций алломотивов. Именно поэтому в конце романа успех главного героя означает не духовное спасение, а тотальное подчинение богу денег, погружение в пустоту, где выход из нового социального и ментального тупика оказывается невозможным не только для героя, но, возможно, и для самого автора.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, «Generation 'P'», мотивема утраты «Я», набор алломотивов, мифопоэтика

Zhang Chengdong,*Novosibirsk State University**(Novosibirsk, Russia),**e-mail: zhangcd126@163.com,**<https://orcid.org/0000-0001-5615-6336>***The Motif of Losing Oneself in The Novel *Generation "P"* by Victor Pelevin**

In traditional Russian literature, the motif of losing oneself regularly serves as the motivation for spiritual transformation and search for salvation of the character, promoting the plot of a literary text and creating new types of characters. However, it is not difficult to notice the transformation in the utilization and implementation of this motif in the plot composition of postmodern texts based on the principle of uncertainty and randomness, which is opposed to the teleology of the classical narrative. The relevance of the topic is due to the insufficiency of research on such changes, especially in the postmodern works by Viktor Pelevin. Though there have been several observations on Pelevin's textual structure, the role of motifs in organizing and constructing the plot remains outside the scope of researchers' attention. This article aims to reveal the role and specifics of the motif “the loss of oneself” as a plot-forming component in the novel *Generation “P”* by V. O. Pelevin. Based on the contemporary motif theory, it particularly pays attention to the context of allomotifs and events associated with the motifeme of losing oneself, following A. Dundes, who understands the motifeme as the basic unit in the paradigmatics of the narrative, and allomotifs as its syntagmatic variants. Through analyzing various variations of allomotifs “the loss of oneself” (losing the feeling of eternity, symbolic death, metamorphosis, manipulation, etc.), the paper attempts to reveal constructive components of the narrative structure in this novel, which determined its artistic semantics. Arguing the tragic essence of the individual value orientation on consumerism in the context of the eschatological media mythology, it also finds out that Pelevin constructs the plot as Tatarsky's rising up

© Чжан Чэндун, 2021

the career ladder, accompanied by the loss of personality, the replacement of Homo sapiens by Homo Zappiens. To achieve this purpose, he widely uses different schemes that implement the emic motif through various variations of allomotifs. That's why, the success of the protagonist in the ending does not mean the spiritual salvation, but the totality of submission to the God of money and immersion in the void, where the way out of the new social and mental impasse is impossible not only for the protagonist but also for the novelist himself.

Keywords: Victor Pelevin, Generation "P", motifeme of losing oneself, set of allomotifs, mythopoetics

Введение. Концепция «Я» неоднократно становилась предметом исследования философов и психологов. По определению Е. Т. Соколовой, «Я» является «средоточием, "центром" мыслей, чувств, переживаний и телесных ощущений, обеспечивающих свободное самоопределение личности, гарантию самоидентичности» [15, с. 8].

Начиная с рубежа XIX–XX вв., проблема утраты «Я», кризиса индивидуального самоопределения как характерного психологического феномена человека в различные временные периоды, особенно в периоды социальных переходов и культурных перемен, стала актуальной в работах зарубежных и российских психологов, социологов и культурологов. Можно указать на ряд работ, посвящённых данной проблеме: «Психология народов и масс» Г. Лебона [7], «Психология масс и анализ человеческого «Я»» З. Фрейда [16], «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета [11], «Одномерный человек» Г. Маркузе [9], «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» Ж. Бодрийера [2], «Век толп» С. Московичи [10], ряд статей Ю. Левады [8] и т. д. Несмотря на различные научные концепции, общая магистральная тенденция в их работах – изучение множества отдельных феноменов утраты личности, коллективного духовного кризиса и «массовизации» человека, противоречие «массы» и «элиты», т. е. теория «массового человека» [18, с. 38–41].

Вместе с тем в рамках философского и психологического подходов по понятным причинам за бортом изучения остаётся поэтика, система средств художественного выражения, в частности проблемы нарративной техники и роли мотива в их реализации. Вот почему считаем важным изучение роли мотивемы в русской литературе, воплощённой в различных алломотивах, связанных с такими типичными образами, как лишний человек и нигилист в XIX в., декадент в серебряном веке, особенно в символизме, а также образ одинокого человека в деревенской прозе В. Шукшина и В. Распутина.

С другой стороны, огромные социальные потрясения в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. также вызвали кризис

менталитета русского человека, по-новому высветившего проблему утери «Я». В тумане беспорядка после распада Советского Союза и радикальных изменений экономических и политических систем люди не смогли увидеть дорогу впереди для себя и своей Родины. Расстройство самоидентичности человека является проявлением духовных потрясений эпохи. Именно такое рубежное ощущение совпадает с постмодернистским мировоззрением. По верному замечанию М. М. Голубкова, постмодернистская чувствительность – это «тотальный кризис веры, ощущение современным человеком мира как хаоса, где отсутствуют все исконные смысловые и ценностные ориентации» [3, с. 326].

Естественно, с мотивом утраты «Я» мы неизбежно сталкиваемся в произведениях русских постмодернистов рубежа XX–XXI вв., в том числе одного из самых знаковых его представителей Виктора Пелевина. Выбранный нами объект исследования – роман «Generation 'P'» (1999) является одной из прецедентных пелевинских работ, которую Константин Фрумкин рассматривает как переходный, пограничный знак от мистики к социологии в творческом пути творчества писателя [17, с. 185], в котором более ярко пульсирует данный мотив.

Комплексного изучения мотива утраты «Я» в романе «Generation 'P'» не было, но безусловно, имеется некоторое количество исследований, проливающих свет на данную проблему. Темы ложности свободы и утраты личности в большей или меньшей мере были затронуты в ряде работ. Так, потерю индивидуальности героя чётко отразил Марк Липовецкий: «Вавилон Таттарский такая же вещь, такой же продукт, как и то, что он рекламирует»¹. Придерживаясь того же взгляда, О. В. Жаринова в своей кандидатской диссертации обосновала авторское намерение романа, где «разоблачается мнимая свобода личности в постсоветском обществе» посредством подобной компьютерным играм композиции [6, с. 7]. Другая исследовательница Мария Черняк также от-

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – С. 508.

метила, что тема власти над современным человеком массмедиа в данном романе являлась лейтмотивной составляющей текста [18, с. 43]. Опираясь на исследование тематической значимости при анализе утраты личности в данном романе, мы пытаемся через мотивный анализ раскрыть проблему утраты «Я» как сюжетообразующего компонента текста, что становится целью данной статьи.

Методология и методы исследования. Ключевым методом исследования статьи стал мотивный анализ на основе научных результатов современных литературоведов, прежде всего, А. Дандеса, И. В. Силантьева, В. И. Тюпы и Ю. В. Шатина.

С тех пор, как американский фольклорист Алан Дандес предложил парадигму «мотив – мотивема – алломотив» [4], основанную на понятии «функция» Владимира Проппа, мотив в качестве базовой нарративной единицы стал обобщённым семантическим единством, в котором наличествует инвариант (мотивема) и его вариации (алломотив). По определению И. В. Силантьева, «мотив представляет собой обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. <...> Именно событие является конечным выражением мотива в нарративе» [14, с. 141, 142]. Ввиду этого, в конкретном тексте при анализе такого абстрактного ментального мотива, как мотив утраты «Я» в романе «Generation 'П'», рассматривается не только внутреннее действие и ощущение персонажа, но и те события, в которых этот мотив воплощается, хотя герой сам по себе в них не участвует.

Другой важный аспект изучения мотива – его связанность с контекстом – мотив обретает конкретное значение только в контексте. Об этом подробно говорит Ю. В. Шатин в статье «Мотив и контекст». Литературовед сделал следующее умозаключение: «Вне контекста мотивы – это абстрактные единицы, смысл которых равен их лексическому значению без всякого намека на сюжетность» [19, с. 6]. Полагаем, что особенно важно при анализе постмодернистского текста, насыщенного парадоксальностью, нелогичностью и пародийностью, найти вариации некоторого мотива, уточнить их определённые смыслы и сюжетообразующую роль в целом, обязательно учитывать контексты, где алломотивы обнаруживают себя. Более того, в связи с пониманием социально-культурных контекстов, в статье также используются те-

ории современных социологов и культурологов, чьи имена упоминались ранее.

Результаты исследования и их обсуждение. В традиционной русской литературе, а также в фольклоре акт утраты в принципе является либо предпосылкой, мотивировкой внедрения других актов либо их неудачным результатом, поэтому мотив утраты почти всегда имеет такие мотивы-антиподы, как мотив искания, борьбы, спасения, получения и пр. Типичная сюжетная модель – «путь к самосовершенствованию» – видна в произведениях А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. Утратив самоидентичность в своей социально-культурной обстановке, персонаж ищет новую веру, новое учение, постоянно борется за них, чтобы совершить самоспасение и самоопределение личности, хотя независимо от развязки или трагической, гибельной, или светлой, счастливой, всякий раз знаменует борьбу и искание спасения, приобретая при этом признаки метасюжета. Даже в модернизме мотив потери личности сохраняется, несмотря на то, что часто он выдвигается на периферию сцены, а основным смыслом становится культ «Я», жажда свободы.

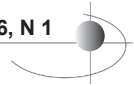
Доминирование мотива утраты «Я» проявилось в том, что он задаётся в самом начале романа «Generation 'П'», когда главный герой выпускник литинститута Вавилен Татарский, будучи поэтом под сильным влиянием Бориса Пастернака, ощущал исчезновение вечности вместе с распадом СССР. Таким образом, сама вечность лишается онтологического статуса, существуя только как вера в неё, «и нигде за пределами этой веры её, в сущности, не было»¹.

Дальнейшее развитие и сцепление алломотивов подтверждают нашу гипотезу, что мотивема утраты оказывается ведущей в развитии сюжета романа, так или иначе починая себе все остальные. Социальные потрясения становятся столь сильными, что бывшая вера в неизменность, неразрушимость вечности считается теперь шизофренией, бывшая самоидентичность полностью теряет свой ценностный смысл, ведь поэт – это «работа для вечности»². Увидев в магазине среди развала иностранных подделок пару ботинок отечественного производства, явно не востребованные эпохой, Татарский вдруг понял, что и он «тоже не востребован эпохой»³. Аналогия между человеком и ве-

¹ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 11.

² Там же.

³ Там же. – С. 13.

щью имеет не только глубокий ментальный смысл, но и становится фактором, обуславливающим развитие сюжета «Generation 'П'», поскольку алломотив в данном случае обнаруживает глубокий метафорический смысл и, как всякая сюжетная метафора, мультиплицирует роль конкретного фабульного события. С того момента сдвиг произошёл в ценностных ориентирах нашего героя, вечная эстетическая ценность, важнейшая для художественного творчества, совсем обвалилась в его душе, будучи заменённой способностью создавать рекламный продукт.

Если бы наше внимание обращалось только на указание постсоветского пространства 1990-х гг., сюжетная линия полностью совпала бы с фабулой, что привело бы к некоторой иллюстративности. Мастерство В. Пелевина и заключается в том, что путём искусной комбинации алломотивов он придаёт исходной мотифеме глубокий философский смысл. Покинув литературное творчество, герой обратился к новой сфере деятельности – созданию клипа-рекламы, где сама креативность теряет свою ценность, превращая исходный продукт в симулякр. Три раза сменив место работы в индустрии рекламы и телевидения, герой постепенно достиг успехов в карьере, в конце концов став настоящим магнатом рекламы и СМИ. Однако весьма заметно, что путь к себе Татарского совсем отличается от страдания Пьера Безухова или Родиона Раскольникова. Если герои русской классики страдают от несовершенства окружающего мира, то попытка Татарского бороться оказывается безрезультатной. В конечном итоге он приходит к выводу, что ничего не происходит. Экзистенция замещается механикой, его повышение по службе оказывается предопределённой некоей, независящей от него волей. По справедливому замечанию, «каждое новое возвышение Татарского совершается после того, как его прежний босс/наставник по неясным причинам погибает»¹; он тщательно делал выбор в пути к себе, но уже точно зная, «что весь его сегодняшний маршрут не случаен»². Антитезы мотива утраты оказались либо неудачными, либо мнимыми, имеющими вынужденность, кукольность и абсурдность.

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. – М.: Академия, 2003. – С. 508.

² Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 105.

Как справедливо отмечает О. А. Джумайло, утрата «Я» часто сопровождается в произведениях постмодернизма мотивом исповедальности. Однако такая исповедальность принципиально отлична от тех типов, которые можно обнаружить в классическом повествовании. «Литературная исповедь в постмодернизме всегда осознаёт свою сделанность, сконструированность, насильственную разведённость с реальностью опыта. Именно потому <...> приёмы, как правило, функционируют как эскапистская лазейка для ускользания "Я". <...> Как представляется, именно принцип лейтмотивной связности повествования выступает главным ресурсом исповедального (часто невольного) самообнажения "Я" и концептуального единства текста» [5, с. 30].

Известно, что в прозе В. Пелевина демонстрируется «исчезновение "объективной реальности", которая оказывается артефактом, сконструированным языком и культурой»³, она никогда не существует только как реальное пространство. Как говорит Чапаев, «всё что мы видим, находится в нашем сознании, Петька. Поэтому сказать, что наше сознание находится где-то, нельзя. Мы находимся нигде просто потому, что нет такого места, про которое можно было бы сказать, что мы в нём находимся. Вот поэтому мы нигде»⁴.

По словам Александра Гениса, Виктор Пелевин «обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты, связанные с интерференцией»⁵. Кроме «объективной реальности», в его текстах постоянно сосуществует другой сакральный и мистический мир, куда герой многократно убегает от дурного, реального с помощью онейрических мотивов, ведущих Петьку в «никуда», в изменённое состояние сознания посредством безвредного сна, а орудием расширения сознания Татарского становятся психотропные препараты. Полагаем, что введение алломотива употребления галлюциногенов в ряде произведений В. Пелевина далеко не случайно: оно демонстрирует передачу контроля над мыслями и поведением сил ирреальности, что и является вариантом мотива утраты «Я» в романе «Generation

³ Генис А. Феномен Пелевина. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24200556.html> (дата обращения: 08.09.2020). – Текст: электронный.

⁴ Пелевин В. О. Чапаев и Пустота // Песни Царства «Я». – М.: Вагриус, 2003. – С. 143.

⁵ Генис А. Феномен Пелевина. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24200556.html> (дата обращения: 08.09.2020). – Текст: электронный.

‘П’», где оно понимается как символическая смерть: «Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит. А когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или объедаешься пантерными мухоморами, что вообще полное безобразие, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира...»¹.

После символической смерти, главный герой вступил в мифопоэтическое пространство, сконструированное В. Пелевиным на основе смещения разнородных мифологических архетипов: прежде всего, испытание и свадьба богини Иштар из шумеро-аккадской мифологии; вавилонская башня из библейского предания; грядущий «темный век» из буддизма и пр. Текстологическое исследование названных архетипов не входит в нашу задачу, потому что «актуально именно художественное преобразование исходного мифологического материала (античного, христианского и т. д.) в мифопоэтические элементы авторского текста, приводящее к созданию вполне конкретного авторского неомифа» [12, с. 123].

В галлюцинации Вавилен три раза поднялся на вавилонскую башню. Эти поступки символизируют цель – разгадать три загадки богини Иштар, о которых он случайно, но фатально читал в статье «*ВАВИЛОН: ТРИ ХАЛДЕЙСКИЕ ЗАГАДКИ*». Нетрудно понять, что между поступками Татарского в двух пространствах существует параллельное отношение: только при условии подъёма на зиккурат Татарский смог подняться выше по карьерной лестнице. В развязке, когда граница двух пространств совсем размыта, он совершил ритуал священного брака с богиней Иштар и стал её новым земным мужем, т. е. совершил ритуал вхождения в сообщество «Гильдия халдеев», а его превращение в владельца СМИ, имеющего силу манипуляции для коллективного бессознательно поколения «П», становится итогом этого процесса. Однако Татарский сам под манипуляцией, подобный NPC (неигровой персонаж в ролевых играх), движется только по программе данного неомифа-игры. Игровая сущность пути к себе нашего главного героя также уведомляется повторяющимся слоганом: "This game has no name"². Таким образом, и мотив игры вписывается в общую картину доминирования алломотива утраты своего «Я».

Поиск «Я», подъём на вершину продолжает подвергаться деконструкции в диалоге со сторожем вавилонской башни сирруфом. По его словам, вавилонскую башню нельзя увидеть, то что Вавилен видел, это только её полную противоположность – тофет. «Это место жертвенного сожжения. <...> это обычный телевизор. <...> Нечто вроде станции сжигания мусора»³. В телевизоре материальный огонь, пламя потребления сжигает человека. Таким образом, движение Татарского направлено не на вершину башни, а на её вертикальную противоположность – адский тофет. Показательно, что именно под Останкинским прудом, «примерно сто метров под землей»⁴, происходит конечный ритуал. Так в мифопоэтическом пространстве романа разворачивается редупликация мотива игры его перевёртыванием, заменяющим ценность ещё одним симулякром.

Миф сегодня «представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение; <...> это форма обозначения; <...> на самом деле, миф относится к <...> семиологии» [1, с. 265–267]. Используя постмодернистскую игру, В. Пелевин создал свою мифопоэтическую коммуникативную систему, где означаемое – акт подъёма – подверглось совершенной деконструкции: подъём по карьерной лестнице главного героя параллельно происходит с его душевной деградацией. В данном контексте мотивы подъёма и поиска превращаются в своеобразные алломотивы утраты «Я».

Не только использование галлюциногенов, но и применение колдовской планшетки, купленной в магазине «Путь к себе», исполняют функцию ключа к другому миру, открывают относительно независимый мифопоэтический сюжет – «контакт» с духом Че Гевара, в котором логика поступка человека в постсоветском пространстве точно истолкована. На самом деле, в «контакте» с духом Че Гевары, вызванным Татарским планшеткой, подобном состоянию «одержимости духом», нет диалога вообще, а просто монолог, псевдонаучный трактат по социологии, «пересказывающий ленинским языком идеи Мак-Люэна и Маркузе»⁵. К. Фрумкин чётко отмечает, что «проблема иллюзорности бытия утратила свою актуальность; зато во весь рост встали проблемы <...> социального неравенства во всех её аспектах» [17,

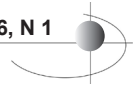
¹ Пелевин В.О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 174.

² Там же. – С. 58, 60, 172.

³ Там же. – С. 176.

⁴ Там же. – С. 324.

⁵ Генис А. Феномен Пелевина. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24200556.html> (дата обращения: 08.09.2020). – Текст: электронный.

с. 185]. С помощью слова воссоздается дух Че Гевары, Виктор Пелевин даёт своеобразный комментарий о том, что произошло с Татарским, более того, о коллективной потере самоидентичности в обществе потребления русского типа.

В. Пелевин создал понятие “Homo Zappiens” (ХЗ), т. е. виртуальный субъект, существующий вместо человека на время телепередачи. Входя в положение ХЗ, человек теряет своё сознание под воздействием рекламно-информационного поля, поверив, что реальность – «это материальный мир, который показывают по телевизору»¹, и сам становится телепередачей, управляемой дистанционно. Созданное Пелевиным понятие “Homo Zappiens” – реминисценция понятия А. Зиновьева “Homo Sovieticus” (человек советский), в котором выражается горькое ощущение писателя относительно того, что манипуляция бессмертна, и «агитпроп бессмертен. Меняются только слова»². Люди только что убежали от ига советской власти и сразу падали под новый вид ига, связанного с контролем сознания СМИ и рекламой.

Человек не только трансформируется в *Homo Zappiens*, но ещё хуже, становится клеткой организма ORANUS³ (по-русски – «ротожоп», или «оранус»). Согласно тексту, архетипом орануса является Маммона, олицетворение денег и богатства в Новом Завете, ведь в тёмном веке «все упирается в деньги»⁴. У ротожопы есть три вида воздействий на клетку: 1) оральный вау-импульс заставляет клетку поглощать, зарабатывать деньги; 2) анальный вау-импульс заставляет клетку выделять, тратить деньги; 3) вытесняющий вау-импульс регулирует все психологические процессы клетки, чтобы они всегда были связаны с потоком денег. Именно телевидение – основа нервной системы организма «медиа», прямо управляет деятельностью клеток-монад. Окончательно утратив доминирующее положение в мире, у людей, точнее клеток, исчезает характер и душа, они оценивают себя и других только по продуктам, потребляемым под манипуляцией телерекламы. В конце света появится абсурдная картина: вместо страха и ужаса невыразимым блаженством наполняются люди, т. к. не существует индивида, и «из поля зрения полностью исчезает тот, за чью

¹ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 118.

² Там же. – С. 160.

³ Слово ORANUS состоит из ora и anus (рот + зад).

⁴ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 125.

свободу можно было бы бороться»⁵, только остаются *Homo Zappiens* и клетки ротожопы, бессмысленно поглощающего всё... Здесь нетрудно заметить, что Виктор Пелевин перефразирует и мифологизирует слова Жана Бодрийера о массе: «У социального больше нет имени. Вперёд выступает анонимность. <...> Масса является массой только потому, что её социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность» [2, с. 32]. Главным в данной эсхатологической мифологии об обществе потребления оказался мотив метаморфозы, являющийся пародийной экстериоризацией потери статуса человечества. Сходная метаморфоза также появляется в шумеро-аккадской мифологии: люди становятся бусинами на ожерелье великой богини: «А по нити люди-бусины взбираются, сперва заглатывая её, а затем попеременно схватываясь за неё ртом и анусом»⁶. На самом деле, в предисловии романа «Generation ‘П’» китайского перевода, называя свою книгу российской версией романа У Чэнъэня «Си ю цзи» («Путешествие на Запад»), В. Пелевин провёл аналогию между процессом душевного упадка поколения «П» и инволюцией человека в животное. Писатель как бы переворачивает смысл и значение идей, заданных китайским романом. «В том китайском романе, <...> к концу путешествия на обезьяне появилось всё больше и больше признаков, которые мы могли бы назвать человеческими. В русской версии <...> всё происходило наоборот – чтобы приспособиться к новому обществу, людям нужно усердно получить множество характеристик обезьян»⁷. Уже в самом начале романа такая метаморфоза констатируется в клипе-рекламе пепси-колы: одна обезьяна, пьющая пепси-колу, может поехать в пляж на джипе в обнимку с девушками, а другая нет. В ней метафора очевидна: «Для нас важно только то, что окончательным символом поколения “П” стала обезьяна на джипе»⁸.

Хотя в постсоветском пространстве люди нереально испытывают внешнее превращение в обезьян, в клетку орануса, такая метаморфоза произошла и происходит в ментальности социума неизбежно и без

⁵ Там же. – С. 137.

⁶ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 167.

⁷ Ссылка переведена автором статьи с китайского. См.: 维·佩列文. 致中国读者 // “百事”一代. 刘文飞译. 北京: 人民文学出版社, 2001. 第2页.

⁸ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 7.

исключения, так же как и у Вавилена Татарского. Новый бог манипуляции – это всё-таки нервная клетка ротозюпы, упирающаяся в деньги. Душевная деградация, перемена его ценностных ориентиров наиболее чётко проявляются в контактах со старшим другом Андреем Гиреевым. В романе «Generation 'П'» отношения между Гиреевым и Татарским оказываются типичными и для других произведений в творчестве Виктора Пелевина, подобными отношениям между Мотыльками Митей и Димой из романа «Жизнь насекомых» (1993), между Василием Чапаевым и Петром Пустотой из романа «Чапаев и Пустота» (1996). Это отношение – «духовный наставник и его ученик».

В произведениях писателя образ духовного наставника всегда открывает своему ученику истину пустоты, помогает ему открыть дверь в другой мир (мифологический, онейрический, буддийский). По внешности Гиреев сразу напоминает нам какого-то мистика: синяя ряса, непальская жилетка, молитвенный барабан и т. д. Он, как помощник в волшебной сказке, выступает для Татарского посредником вступления в онейрический мир (мухомор) и дарит мантру пробуждения от галлюцинации ЛСД. Более того, в его разговоре с Татарским о смерти, о сне и бодрствовании нетрудно найти тень буддийских учений о пустоте, о сансаре (переселении душ).

Безусловно, Гиреев является образом-потомком Чапаева и Мити, не принадлежащим к этому поколению. Во время первой встречи с Гиреевым, после того как Татарский начал работать криэйтором, алломотив «ощущение исчезновения вечности» повторно появился: Гиреев «казался последним осколком погибшей вселенной, <...> существовавшей параллельно советскому миру и даже вопреки ему, но пропавшей вместе с ним»¹. Такое ощущение предвещает несовпадение ценностей и предопределяет душевную разлуку.

В последний раз встречаясь с Татарским, Гиреев хотел научить Татарского буддийским способам смотреть телевизор, чтобы бороться против манипуляции СМИ, чтобы избежать состояния одержимости телерекламой. Однако теперь новая ориентировка ценности уже коренится в глубине души Татарского. Посмотрим его психологическое описание: «Часто бывает – говоришь с человеком и вроде нравятся чем-то его слова и кажется, что есть в них какая-то

доля правды, а потом вдруг замечаешь, что майка на нём старая, тапки стоптанные, штаны заштопаны на колене, а мебель в его комнате потёртая и дешёвая. <...> и понимаешь, что всё сделанное и передуманное собеседником в жизни не привело его к той единственной победе»². Учение бывшего наставника больше не может влиять на ученика, потому что для Татарского, в чьей душе сейчас действует вытесняющий вау-фактор, цена слова зависит только от внешнего жизненного состояния.

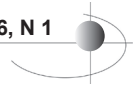
Если в самом деле пустота для Петра является идеологическим выходом из смутной мучительной реальности, то в поколении «П» совсем иная безнадежная пустота: это онемение в социальном кризисе, потеря самосознания и в обществе потребления, и никакого способа выйти из манипуляции не предлагают в самом тексте. Согласимся с мнением М. Павлова, что «роман затрагивает один из нервных центров современной жизни, причём делает это гораздо болезненнее и тоньше, чем в "Чапаеве". В нём, в отличие от "Чапаева", просматривается позиция автора, отнюдь не олимпийски-спокойная. <...> Никакой положительной программы или хотя бы подобия выхода не предлагается» [13].

Заключение. В романе «Generation 'П'» мотив утраты «Я» как сюжетобразующий компонент повторяется и воплощается в разных алломотивах (мотив потери ощущения вечности, мотив символической смерти, мотив метаморфозы, мотив манипуляции и пр.) в мифопоэтическом и постсоветском пространствах, конструирует семантическую и повествовательную структуры данного романа. При этом синтагматика алломотивов в романе Пелевина, как и в других романах, не является механическим сцеплением мотивов, но обнаруживает иерархию, жёстко контролируемую исходным мотивом утраты «Я».

Традиционный сюжетный паттерн, начинающийся мотивом утраты «Я», подвергается деконструкции, поскольку огонёк надежды в финале совсем не брезжит, а сама элита поколения «П», манипулирующая массой, превращается в неё, или по выражению эпиграфа романа, в средний класс. Средства игры смещения мифологии и теории социологии в тексте создают свою коммуникативную систему, в которой совершил деконструкцию логичности поступок персонажа, и «перестройку» новой ориентировки ценности, в которой доминанта не является традиционной прагматической, этической

¹ Пелевин В. О. Generation «П». – М.: АСТ, 2017. – С. 47.

² Там же. – С. 317.

или эстетической ценностью а ценностью, в буквальном смысле связанной с деньгами и потреблением. Однако устройство новой ориентировки ценности совершенно не оз-

начает обнаружения нового самоопределения для поколения «П», а лишь тотальную утрату «Я» в обществе потребления, в безвыходной пустоте.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вст. ст. и ком. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
3. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Академия, 2008. 368 с.
4. Дандес А. От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / пер. с англ., сост. А. С. Архипова. М.: Восточная литература, 2003. С. 14–29.
5. Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман. 1980–2000 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М., 2014. 40 с.
6. Жаринова О. В. Поэтико-философский аспект произведений Виктора Пелевина «Омон Ра» и «Generation 'П'»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тамбов, 2005. 21 с.
7. Лебон А. Психология народов и масс / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М.: АСТ, 2019. 384 с.
8. Левада Ю. А. Сочинения: проблема человека / сост. Т. В. Левада. М.: Издатель Е. В. Карпов, 2011. 526 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М.: АСТ, 2016. 256 с.
12. Осьмухина О. Ю. Мифологическое пространство отечественного романа рубежа XX–XXI вв. (на материале прозы В. Пелевина и Д. Липскерова) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4/2. С. 123–126.
13. Павлов М. Виктор Пелевин. Generation 'П' или 'П'forever? – Текст: электронный // Знамя. 1999. № 12. URL: <http://www.magazines.russ.ru/znamia/1999/12/pavlov.html> (дата обращения: 09.09.2020).
14. Силантьев И. В. Факт и мотив: об одном существенном отличии литературного нарратива от исторического // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 138–144.
15. Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
16. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с нем. А. Анваера. М.: АСТ, 2018. 320 с.
17. Фрумкин К. Пелевин: от мистики к социологии // Свободная мысль. 2009. № 9. С. 184–192.
18. Черняк М. Массовая литература XX века. М.: ФЛИНТА, 2013. 432 с.
19. Шатин Ю. В. Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск: Ин-т филол., 1994. С. 5–16.

Статья поступила в редакцию 25.09.2020; принята к публикации 19.11.2020

Сведения об авторе

Чжан Чэндун, аспирант, Новосибирский государственный университет; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1; e-mail: zhangcd126@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-5615-6336>.

Библиографическое описание статьи

Чжан Чэндун. Мотив утраты «Я» в романе Виктора Пелевина «Generation 'П'» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 74–82. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82.

References

1. Bart, R. Mythologies. M: Akademicheskij Proekt, 2008. (In Rus.)
2. Baudrillard, J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social. Yekaterinburg: Ural University publ., 2000. (In Rus.)
3. Golubkov, M. M. The history of Russian literary criticism in the XX century (1920s–1990s). M: Akademiia, 2008. (In Rus.)
4. Dundes, A. From etic to emic units in the structural study of folktales. Folklore: semiotics and / or psychoanalysis. M: Vost. lit., 2003: 14–29. (In Rus.)
5. Dzhumailo, O. A. English Confessional and Philosophical Novels. 1980s–2000s. Doc. phil. sci. diss. abstr. M., 2014. (In Rus.)

6. Zharinova, O. V. The Poetic and Philosophical Aspect of Victor Pelevin's Works: Omon Ra and Generation "P". Cand. phil. sci. diss. abstr. Tambov, 2005. (In Rus.)
7. Le Bon, G. The Crowd: A study of the popular mind. M: AST, 2019. (In Rus.)
8. Levada, Yu. A. Essays: the problem of human. M: Publ. Karpov E. V., 2011. (In Rus.)
9. Marcuse, H. One-dimensional man. M: REFL-book, 1994. (In Rus.)
10. Moskovichi, S. The age of the crowd: a historical treatise on mass psychology. M: Psychology and psychotherapy center, 1998. (In Rus.)
11. Ortega y Gasset, J. The revolt of the masses. M: AST, 2016. (In Rus.)
12. Osmukhina, O. Yu. The mythopoetic space of the domestic novel at the turn of the 20th – 21st centuries (Based on proses by V. Pelevin and D. Lipskerov). Vestnik NNGU, no. 4–2, pp. 123–126, 2013. (In Rus.)
13. Pavlov, M. Viktor Pelevin. Generation "P" or "P" Forever? Znamia. no. 12, 1999. Web. 09.09.2020. <http://www.magazines.russ.ru/znamia/1999/12/pavlov.html> (In Rus.)
14. Silant'ev, I. V. Fact and motif: on a difference between the historical and literary narrative. Critique and Semiotics, no. 1, pp. 138–144, 2013. (In Rus.)
15. Sokolova, E. T. Clinical psychology of losing myself. M: Smysl, 2015. (In Rus.)
16. Freud, S. Group psychology and the analysis of the Ego. M: AST, 2018. (In Rus.)
17. Frumkin, K. Pelevin: From mysticism to sociology. Svobodnaia mysl, no. 9, pp. 184–192, 2009. (In Rus.)
18. Chernyak, M. Mass literature of the XX century. M: FLINT, 2013. (In Rus.)
19. Shatin, Yu. V. Motif and context. The role of tradition in the literary life of the era. Plots and motifs. Novosibirsk, 1994: 5–16. (In Rus.)

Received: September 25, 2020; accepted for publication November 19, 2020

Information about author

Zhang Chengdong, Postgraduate Student, Novosibirsk State University; 1 Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russia; e-mail: zhangcd126@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-5615-6336>.

Reference to the article

Zhang Chengdong. The Motif of Losing Oneself in The Novel *Generation "P"* by Victor Pelevin // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 1. PP. 74–82. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82.